

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

СТАЛИН, КОБА И СОСО

*Молодой Сталин
в исторических источниках*

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2016

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8
Э19

Составитель серии и рецензент
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

- Э19 **Эдельман, О.** Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках [Текст] / О. Эдельман; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 128 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1352-1 (в пер.).

Половина жизни Иосифа Джугашвили-Сталина прошла до революции 1917 года. Эта часть его биографии вызывает множество споров. Политические враги заявляли, что он был агентом тайной полиции или бандитом. Его заслуги в революционной борьбе были сильно преувеличены официальными льстецами.

Неверно думать, что о жизни Сталина до революции известно мало. Напротив, существует очень много источников: воспоминаний соратников и врагов, партийных и полицейских документов. Проблема в том, что среди них мало объективных и достоверных, биография Сталина очень рано стала полем политических войн в борьбе за власть. Понять, как и почему источники искажают истину, — вот увлекательная задача для исследователя.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей.

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-7598-1352-1

© Эдельман О., 2016
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
I. ИСТОРИЯ БИОГРАФИИ БОЛЬШЕВИКА ДЖУГАШВИЛИ.....	13
II. ИСТОЧНИКИ.....	51
ЖАНДАРМСКИЕ АРХИВЫ.....	52
АВТОРСКИЕ ТЕКСТЫ СТАЛИНА И ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ	71
ВОСПОМИНАНИЯ О СТАЛИНЕ	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	120

ВВЕДЕНИЕ

Иосифу Виссарионовичу Джугашвили, более известному как Сталин, к моменту свержения самодержавия было 38 лет¹. Более половины из отведенных ему судьбой 74 лет он провел при старом режиме, а к революции подошел вполне зрелым, сложившимся человеком. Между тем эта часть его биографии до сих пор недостаточно изучена, изобилует неясностями, пробелами, слухами и версиями разной степени фантастичности и недостоверности. Из-за этого и сам Сталин выглядит как одна большая мистификация: человек с придуманной фамилией, путаницей с датой рождения, сомнениями насчет национальности (грузин? осетин?), каскадом фальшивых имен и документов, слухами о неких темных пятнах в прошлом; даже само его участие в революционном движении и то ставилось под вопрос.

Сталин и сталинская эпоха в целом уже четверть века являются объектом пристального изучения как русских, так и зарубежных специалистов, научные конференции по истории сталинизма собирают впечатляющее число участников, издается огромное число статей и книг, введены в научный оборот крупные массивы архивных документов. Но диспропорция в наших знаниях о биографии Сталина сохраняется: фигура советского диктатора неизменно находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени. С одной стороны, это совершенно естественно. С другой — возможно, мешает более точному пониманию мотивов принятых решений и многих разворачивавшихся в сталинском окружении процессов. Ведь Сталин пришел к власти с багажом жизненного опыта, приобретенного именно в революционном подполье. Это было и специфическое знание страны и народа (взгляд подпольщика, вовлекающего

¹ Я полагаю достоверной датой его рождения 1878 год.

рабочих в революционные кружки и массовые акции, или взгляд ссыльного, живущего среди обывателей Вологды, Сольвычегодска, Туруханска), и усвоенные методы действий, и опыт личного общения с соратниками. Ведь многих большевиков, членов советского руководства, Сталин знал давно, это не могло не сказываться на выборе им помощников, «ближнего круга», а также и внутривнутрипартийных врагов.

Конечно же, недостаточная изученность первой части сталинской биографии имеет серьезные причины, не исчерпывающиеся тем очевидным фактом, что вторая половина его жизни представляется гораздо более значимой. Принявшись за дореволюционный период жизни Иосифа Джугашвили, исследователь сталкивается с целым рядом трудностей методического и технического характера. Проблема здесь не в скудости источников, но в их изобилии. Технические трудности связаны с необходимостью масштабного поиска документов, расплывчатых по десяткам и сотням архивных дел и порожденных сложнейшим делопроизводством политической полиции Российской империи. Методические же коренятся в той источниковедческой головоломке, с которой придется иметь дело историку, собравшему наконец достаточно представительный документальный комплекс. Честно говоря, не существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы считать априори более или менее заслуживающими доверия. Большевики-сталинисты и большевики, обиженные Сталиным, меньшевики-эмигранты — каждый зависел от собственной позиции, положения и судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Многие определял давний партийный раскол на меньшевиков и большевиков. Названия фракций в конспиративной переписке сначала из предосторожности перед возможной перлюстрацией стали сокращать: «б-ки» и «м-ки», затем это перешло в партийный жаргон, говорить и даже писать между собой стали «беки» и «меки». «Беки» — большевики, «меки» — меньшевики.

Были еще жандармы, оставившие обильную документацию, но по понятным причинам их осведомленность о делах РСДРП была ограниченной.

Задача данной книги — поделиться сугубо источниковедческими наблюдениями автора после более чем десятилетней работы с документами о молодом Сталине².

Сталинская биография во всех ее аспектах была чрезвычайно политизирована, причем история этой политизации весьма ранняя. Она началась даже не с появлением Сталина у власти, а значительно раньше, еще в дореволюционную пору, и коренится зачастую в давних внутрипартийных раздорах. Сложность в том, что все, кто рассказывал что-либо об Иосифе Джугашвили, — и враги, и сторонники — все так или иначе оказывались под влиянием политической конъюнктуры, которая в итоге накладывает на источники, а вслед затем и на исследования, неизгладимые, хотя и очень противоречивые следы. Противоречия коренятся в наслаивающихся друг на друга взаимоисключающих политических позициях авторов. Причем по прошествии лет ситуация представляется все более запутанной. К примеру, до сих пор не вполне забыт

² На данный момент результатами этой работы стали несколько статей: *Эдельман О.* «У мне был 16–17 лет когда я видел тав. Сталина». Ложные воспоминания о вожде // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 5 (85). С. 137–148; *Эдельман О.* Пуговица и свет в туннеле: фольклор и приемы советской пропаганды // *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / под ред. А. Архиповой.* М.: РГГУ, 2013. С. 326–334; *Эдельман О.* Сосо в Батуме, 1902 // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4 (90). С. 229–244; *Эдельман О.* Семинарист Джугашвили (1894–1899) // *Русский сборник: исследования по истории России.* Т. XIV. М., 2013. С. 170–193; *Эдельман О.* К вопросу о переезде Иосифа Джугашвили в Батум (1901–1902) // *Русский сборник: исследования по истории России.* Т. XVI. М., 2013. С. 195–204; *Эдельман О.* Не заметивший войну: безмятежная жизнь Кобы в Туруханске // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 4 (96). С. 97–114.

вопрос о «завещании Ленина», то есть о том, указал ли он на Сталина как на своего преемника, хотя сам Ленин давно уже перестал быть почитаемым вождем и носителем абсолютной истины, а вне большевистской парадигмы невозможно всерьез оценивать Сталина с точки зрения того, был ли он верным учеником и соратником Ленина. О Ленине теперь известно немало нелицеприятных вещей, однако, когда нужно уличить Сталина, участники дискуссий склонны опять прибегнуть к ленинскому авторитету.

Более близкий к теме настоящей книги пример — это вопрос о том, участвовал ли Сталин в знаменитой тифлисской экспроприации 1907 года. Главным ее исполнителем был Камо, а организаторами — большевики. Тогда же имел место яростный спор с меньшевиками, требовавшими отказаться от экспроприаций и террористической деятельности. Меньшевики обвиняли в организации экспроприации и даже участия в ней Кобу. Доказательств его непосредственного участия не было и нет. После революции в советских изданиях «тифлисский экс» стал преподноситься как один из отважных и лихих подвигов Камо. В то же время, насколько теперь возможно установить, в партии ходили упорные слухи, что Сталин все-таки был причастен к «тифлисскому эксу».

Троцкий утверждал, что «личное участие Кобы в тифлисской экспроприации издавна считалось в партийных кругах несомненным», а сам Сталин «не подтверждал этих слухов, но и не опровергал их»³ (очевидно, говоря это, Троцкий исходил из ситуации двадцатых годов). Но применительно к Сталину в устах старых большевиков, находившихся во внутривнутрипартийной оппозиции к нему, слухи эти легко принимали характер компрометирующих. При этом от своих идейных основ эти большевики-оппозиционеры не отказывались и от большевизма (в их понимании) не отходили. Таким образом,

³ Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 1 / под ред. Ю. Фельштинского. М.: Терра, 1990. С. 155.

Сталину они ставили в вину ту самую акцию, за которую Камо считали героем. Для сравнения: никому тогда не приходило в голову упрекать Емельяна Ярославского, который в прошлом стоял во главе большевистской боевой группы на Урале и экспроприаций за ним считалось значительно больше. В официальных биографиях Сталина периода культа личности «тифлисский экс» не упоминался. Зато грузинские меньшевики, продолжавшие в эмиграции публицистическую борьбу, решительно обвиняли Кобу в организации не только тифлисской экспроприации, но и других террористических акций. Воспоминаниями эмигрантов пользовались как источником западные авторы книг о Сталине, и этот эпизод довольно устойчиво трактовался как порочащий советского вождя.

После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности внутри страны стали слышнее голоса старых большевиков, многие из которых вернулись из лагерей и ссылок. Они сохраняли верность убеждениям своей молодости и охотно приняли и поддержали хрущевскую концепцию извращения Сталиным ленинских норм партийной жизни. Их стараниями возродились слухи об участии Кобы в «тифлисском эксе», опять же направленные против него. При этом в советской печати по разряду пропагандистской историко-партийной литературы выходили книги, где организация тифлисской экспроприации... ставилась в заслугу Степану Шаумяну, одному из 26 бакинских комиссаров⁴.

Враги Сталина любили задним числом упрекать его в трусости. Оставим в стороне вопрос, каким образом трусливый человек вообще оказался бы в революционном подполье. Кобу называли трусом, но также — главой боевиков-террористов, участником (лично!) тиф-

⁴ «Вся операция была подготовлена с ведома и одобрения С. Шаумяна. В тот же день Камо явился на квартиру Шаумяна и сообщил ему об этом» (Акопян Г.С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность / под ред. Л.С. Шаумяна. М.: Политиздат, 1973. С. 65).

лисской экспроприации, и наконец, бандитом-уголовником. Как согласовать все это между собой? Можно вообразить совмещение в одном лице боевика, экспроприатора и уголовного; однако как тот же самый деятель мог оказаться человеком не в меру боязливым? Здесь нам в очередной раз приходится сталкиваться с полнейшей непоследовательностью сталинских врагов.

Что касается его апологетов, то содержание их мемуарных рассказов то и дело менялось в зависимости от смены политического и идеологического курса, поэтому зачастую важно не столько то, что говорит рассказчик, сколько дата, когда рассказ записан. Это несколько сходно с ходившей в СССР графической антисоветской шуткой: чертились расходящиеся веером из одной точки две прямые линии, а между ними змеящаяся кривая. Прямые обозначали соответственно «левый уклон» и «правый уклон», кривая — «генеральную линию партии».

При таком сложном и противоречивом грузе традиции задача анализа источников особенно увлекательна, она и является целью данной работы. Читатель не найдет в этой книге новой, научной, достоверной биографии молодого Сталина, но только обзор основных видов источников для нее, размышления о степени их достоверности и информационных возможностях, об исторических и идеологических зигзагах, приведших к их появлению. А поскольку источники, как было сказано выше, сильно зависели от текущей конъюнктуры, то начать придется с истории того, как была представлена жизнь Сталина-революционера в печати.

1. История биографии большевика Джугашвили

О Сталине существует такое множество работ, что даже простое их перечисление является задачей непосильной. Однако за несколькими исключениями трудам многочисленных биографов Сталина свойственна общая особенность: о дореволюционном периоде десятилетиями писали, ссылаясь главным образом на весьма узкий круг фактов, свидетельств и источников, введенных в оборот достаточно давно и кочующих из книги в книгу. Причем вернее даже было бы говорить о наличии в историографии двух несходных и лишь отчасти пересекающихся наборов фактических сведений и цитат: одни фигурировали в официальной прижизненной сталинской биографии, писавшейся в СССР (а также зависимых от нее западных текстах, таких, как книга Анри Барбюса «Сталин»), другие — в работах, вышедших за рубежом.

При жизни Сталина любые биографические материалы о нем в СССР публиковались весьма сдержанно, даже скупо. Документальные публикации строго дозировались и исчислялись единицами, то же касалось книг и статей о его революционном прошлом. Жесткий контроль за всем, что публиковалось относительно сталинской биографии, имел свою предысторию и причины.

Первая известная попытка найти в прошлом Сталина компрометирующие сведения относится еще к 1918 году. Лидер меньшевиков Ю.О. Мартов в статье газеты «Вперед» № 51 заявил, что Сталин в свое время был исключен из партии за участие в той самой тифлисской экспроприации 1907 года. Сталин в ответ обратился в революционный трибунал с жалобой на публичную клевету со стороны Мартова. Московский революционный трибунал рассматривал это дело 16 апреля 1918 года и пришел к крайне невнятной ре-

шению. Вопрос о клевете на Сталина был сочтен трибуналу неподсудным, но трибунал признал в других местах текста статьи Мартова «наличность оскорбления для власти Рабоче-Крестьянского Правительства» и постановил выразить ему «за легкомысленное для общественного деятеля недобросовестное в отношении народа преступное пользование печатью, общественное порицание»¹. Надо отметить, что оформлено решение трибунала было крайне косноязычно и бестолково. Впрочем, по всей видимости, тогда все постановления революционного трибунала звучали столь же путано и нелепо просто по неумению формулировать мысли письменно и незнанию (и отрицанию) большевиками даже основ юридической нормы.

Сталин, имевший тогда ранг наркома, 17 апреля подал кассационную жалобу (его собственная дефиниция) в Наркомат юстиции. Решение о неподсудности его дела трибуналу он назвал незаконным и не соответствующим декрету о суде и просил представить его жалобу с заключением наркома юстиции во Всероссийский ЦИК². На следующий день из Наркомата юстиции было послано представление во ВЦИК за подписью наркома П. Стучки с предложением удовлетворить жалобу Сталина и передать дело на новое рассмотрение в Московский революционный трибунал в другом составе³. Мартов требовал вызова с Кавказа свидетелей — Исидора Рамишвили, Ноя Жордания, Степана Шаумяна, — что в тогдашней обстановке вряд ли было реалистичным. Дело закончилось ничем⁴. 2 июня того же 1918 года Н.Н. Суханов, выступая на заседании

¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 13–13 об.

² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 12 (фотокопия жалобы в подлинном деле Московского рев. трибунала); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 155 (автограф).

³ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 200. Л. 14–15.

⁴ Л.Д. Троцкий подробно разобрал этот эпизод в своей книге о Сталине и не смог прийти к однозначному выводу

ВЦИК с критикой деятельности революционных трибуналов, в качестве примера сослался как раз на этот случай: «Вы помните, сколько шума вызвал процесс Сталина и Мартова, и как настаивал Сталин, чтобы для него был особый суд, чтобы его судили в какой-то особенной инстанции. Честь его до сих пор не защищена; он к суду, созданному нами, не прибегает, и дело это осталось неподвижным»⁵.

Не зная логики внутривнутрипартийных баталий, взаимных обвинений и предвзвешиваний, зачастую сложно объяснить, почему та или иная деталь рассматривалась как компрометирующая, замалчивалась одними и вытаскивалась на свет другими. К примеру, какая, казалось бы, беда в том, что в декабре 1925 года центральный орган Закавказского краевого комитета ВКП(б) газета «Заря Востока» опубликовала под рубрикой «Двадцатилетие революции 1905 г.» два архивных документа: письмо Сталина из ссылки и донесение начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Карпова, сообщавшее, что Иосиф Джугашвили в 1905 году был арестован и бежал из тюрьмы? Или что в 1929 году, к 50-летию юбилею вождя, та же «Заря Востока» и «Бакинский рабочий» поместили найденную в архиве бывшего Бакинского губернского жандармского управления фотографию Кобы, указав, что она относится к 1905 году?⁶

Проблема была в том, что Сталин, заполняя после революции биографические анкеты, ареста в 1905 году не указывал. Сейчас, собрав большой массив жандармских документов, можно уверенно утверждать: не указывал, потому что этого не было, после побега из первой ссылки в январе 1904 года он не попадался в руки полиции

о правоте Мартова или Сталина. См.: *Троцкий Л.Д.* Сталин. С. 148–150.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 19. Д. 22. Л. 23.

⁶ На эти обстоятельства обратил внимание автор одной из недавних книг о молодом Сталине: *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.: Нева, 2002. С. 10–12.

вплоть до 1908 года. Но тогда, в двадцатые годы, история самой партии и биографии виднейших большевиков еще не имели четкой хронологии, даты путались, все представлялось неясным и неочевидным. Зато со времен подполья считалось, что если кого-то арестовали и вскоре отпустили, то это бросает на него серьезные подозрения: раз отпустили, значит, во время допросов его завербовали и теперь он полицейский осведомитель. Жандармы, кстати, об этом знали и зачастую этим пользовались, ведь благодаря подозрительности подпольщиков было легко вывести из игры участника революционного движения, просто ненадолго его арестовав. Столь же подозрительным мог казаться и слишком легкий побег. О побеге Джугашвили из Иркутской губернии в начале 1904 года как раз и ходили нехорошие слухи, будто бежал он с согласия жандармов (это я также вынуждена опровергнуть как не соответствующее действительности). Впрочем, невозможно определить, в какой момент эти слухи возникли, тогда же или значительно позже. Факт тот, что тюремная фотография Иосифа Джугашвили с датой «1905 год» могла, конечно, быть невинным промахом публикаторов, но могла также оказаться понятным посвященным и коварным подкопом под его репутацию.

Еще более очевидным компрометирующим материалом было опубликованное письмо Сталина из Солявычегодска, ведь в нем он со свойственной ему грубоватой иронией обозвал развернутую тогда Лениным борьбу с очередными партийными оппонентами — так называемыми «отзовистами» (большевиками, предлагавшими прекратить все виды легальной борьбы, отозвать своих депутатов из Государственной Думы и полностью перейти к нелегальным методам) — «бурей в стакане воды» и замечал, что «вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: “пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот

работай, остальное же приложится”. Это, по-моему, к лучшему»⁷.

Беда была не только в том, что несогласие с ленинской линией считалось одним из худших большевистских грехов. Р. Такер подробно проанализировал, как в ходе соперничества за место партийного лидера, освободившееся после смерти Ленина, серьезными аргументами стали близость к Ильичу или случаи отклонения от его линии. На роль преемника претендовал Л.Д. Троцкий, с ним вступили в полемику Н.И. Бухарин и сам Сталин, причем спор вертелся вокруг роли каждого в октябре 1917 года. Более давние заслуги и прегрешения перед партией в полемике с Троцким 1924–1927 годов не были востребованы, что неудивительно, ведь Троцкий до 1917 года не входил в большевистскую фракцию. Зато Сталину припоминали историю с «завещанием Ленина» и предшествовавший конфликт с Ильичом⁸.

Публикации в закавказских газетах в декабре 1925 года служат иллюстрацией того, что внутрипартийная интрига не сводилась к соперничеству в узкой руководящей группе или по крайней мере к непосредственной полемике Троцкого, Бухарина и Сталина. Верхушка Закавказского краевого комитета ВКП(б) вела какую-то свою игру, и особенно странно то, что первым секретарем крайкома в тот момент был Серго Орджоникидзе, который считается человеком, близким к Сталину. Очевидно, мы недостаточно знаем о подспудных процессах, происходивших в местных комитетах ВКП(б), их цели и участники нуждаются в дальнейшем изучении. Немаловажно, по-видимому, что указанные публикации появились как раз в дни,

⁷ Письмо Сталина В.С. Бобровскому от 24 января 1911 года, подлинник этого письма: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 641. Л. 177.

⁸ *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929 // *Такер Р.* Сталин. История и личность. М.: Весь мир, 2006. С. 225–244.

когда проходил XIV съезд ВКП(б), ставший одним из этапов борьбы за власть.

В преддверии 25-летнего юбилея Бакинской социал-демократической организации в 1923 году в Баку местным Истпартом был издан сборник «Из прошлого», в следующем, 1924 году, под эгидой Бакинского комитета Компартии Азербайджана вышли одновременно две книги под схожими названиями: «25 лет Бакинской организации большевиков (основные моменты развития Бакинской организации)» и «Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков». Первая представляла собой небольшой исторический очерк, составленный Истпартом при ЦК и БК АЗКП, вторая — сборник воспоминаний и статей. В нем, как и в сборнике «Из прошлого», участвовали такие заметные партийные деятели, как А.И. Микоян, С.М. Эфендиев, М. Мамедъяров, С. Жгенти, А. Рохлин, А. Стопани, А. Енукидзе, С. Орджоникидзе, В. Стуруа, Г. Стуруа, И. Голубев, С. Якубов, С.Я. Аллилуев. Здесь никаких прямых текстуальных выпадов против Кобы-Сталина не было, напротив, изумительной особенностью обоих сборников является почти полное отсутствие его имени. Несколько скупых упоминаний — и все⁹.

О нем нет ни слова даже в статье С. Аллилуева (который десяток лет спустя превратил воспоминания о собственном революционном прошлом и о дружбе со

⁹ В очерке «25 лет Бакинской организации...» Сталин также вовсе не упомянут, но и весь очерк написан обезличенно, без имен партийцев. Как ни странно, единственные фигурирующие там фамилии — это убитый еще в 1905 году рабочий-большевик П. Монтин и братья Шендриковы, бакинские социал-демократы — популисты, создавшие свою группу, в 1904–1905-х годах пользовавшуюся успехом среди рабочих. Большевики с Шендриковыми враждовали, называли их «полуменьшевиками, полуавантюристами» и в 1920-х годах с большим увлечением продолжали задним числом их изобличать. «Борьба с шендриковщиной» являлась неременным сюжетом мемуарных текстов большевиков — выходцев из Баку.

Сталиным чуть ли не в главное свое занятие). А ведь именно в бакинском подполье Сталин сделал революционную карьеру и выдвинулся в число ведущих большевиков. Умолчание о Кобе в бакинских сборниках выглядит нарочитым, демонстративным, и его невозможно счесть правдивой позицией. Очевидно, это было следствием враждебного отношения к Сталину в тогдашней верхушке бакинского партийного руководства, под влиянием или в угоду которой его имя исчезло из статей не только сугубо местных деятелей, но и Микояна, Орджоникидзе, Аллилуева. Мы не знаем в точности истоков и конкретных причин этой враждебности, но можно предположить, что здесь имелись два разновременных пласта.

После гибели 26 бакинских комиссаров Сталина упрекали в том, что он, находясь на Царицынском фронте, не пришел на помощь Шаумяну и бакинской коммуне. А это заставило вспоминать, актуализировало какие-то давние, дореволюционные еще счеты. В чем они состояли, неясно; по сведениям опытных исследователей темы, речь могла идти об обстоятельствах, касавшихся бакинской подпольной типографии¹⁰. Видимо, отсюда же, из Баку 1920-х годов, происходит устойчивая, передававшаяся устно и всплывшая много позже в годы хрущевской оттепели со ссылкой на старых большевиков версия о том, что Сталин вообще не играл никакой роли в кавказском революционном движении. Версия, несомненно, лживая и несуразная.

Несколько позднее, в 1927 году, в грузинском Госиздате на русском языке вышла книга Ф.И. Махарадзе «Очерки революционного движения в Закавказье». Филипп Махарадзе был десятью годами старше Иосифа Джугашвили, учился в той же Тифлисской духовной семинарии, входил в самые ранние социал-демо-

¹⁰ Я глубоко признательна докт. ист. наук А.П. Ненарокову, докт. ист. наук З.И. Перегудовой, докт. ист. наук И.С. Розенталю и заместителю директора ГА РФ Л.А. Роговой за обсуждение этого предмета.

кратические кружки, был в числе центральных грузинских большевистских деятелей и одним из первых теоретиков марксизма в Грузии, с 1903 года входил в состав Кавказского союзного комитета РСДРП. В советское время Махарадзе занимал крупные государственные посты в Грузии, был председателем ЦИК и СНК Грузинской ССР, председателем Госплана, ЦИК ЗСФСР. Позднее в разгар политического террора в 1938 году Махарадзе стал председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно он являлся директором грузинского Института марксизма-ленинизма. Жертвой политического террора Махарадзе не стал и мирно скончался в декабре 1941 года в Тбилиси.

Упомянутая его книга о революционном движении в Закавказье отличается той же особенностью, что и бакинские юбилейные издания к 25-летию партийной организации: Сталин в ней не упоминается. Махарадзе даже батумскую стачку и демонстрацию 1902 года ухитрился описать, ни слова не сказав о Сталине. Впрочем, как и авторы очерка к 25-летию Бакинской организации, Махарадзе старался называть минимум имен. Если относительно партийной верхушки Азербайджана можно предполагать, что неприязнь к Сталину подпитывалась событиями Гражданской войны и расстрелом бакинских комиссаров, то какие именно старые счеты были к нему у тбилисских большевиков, сказать сложнее. Пока эта тема не исследована глубже, можно лишь констатировать такого рода факты.

Помимо этого в 1924 году во втором номере журнала «Печать и революция» впервые были изданы письма Я.М. Свердлова из туруханской ссылки, в которых он жаловался на Сталина, бывшего его товарищем по изгнанию: «Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни». Это, несомненно, был еще один шаг в той же внутрипартийной борьбе биографий и компроматов. На все эти публикации об-

ратил пристальное внимание Л.Д. Троцкий, в заметке «К политической биографии Сталина» он обсуждал и документы 1905 года, и слухи об участии Кобы в тифлисской экспроприации, и письмо из Сольвычегодска, а в бумагах его сохранилась копия публикации в «Заре Востока»¹¹. Эти работы Троцкого о Сталине написаны позднее, не были опубликованы при жизни автора и принадлежат уже к эмигрантской линии разбирательства с прошлым советского диктатора. Но то обстоятельство, что работа над сталинской биографией, вероятно, стоила Троцкому жизни («У каждой книги своя судьба. Но не каждого автора убивают во время работы над текстом по приказанию героя его произведения»)¹², только подчеркивает, насколько острой была эта тема.

Возможно, там же — в партийных склоках начала двадцатых годов — следует искать также и истоки живучего слуха, что Сталин был уголовником, налетчиком, главарем банды. Эти слухи весьма настойчиво циркулировали в Закавказье и отразились, например, даже в выдающемся художественном произведении, повести Фазила Искандера «Сандро из Чегема» (глава «Пиры Валтасара»). Никаких сколько-нибудь достоверных подтверждений уголовного прошлого Иосифа Джугашвили мне найти не удалось, а все известное о его характере, личности и биографии исключает такую возможность. Вместе с тем при внимательном изучении нравов революционной среды, в том числе и особенно кавказской, бросается в глаза их типологическая

¹¹ *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров / под ред. Ю.Г. Фельштинского; предисл. и примеч. М. Куна. М., 1991. С. 87–89, 61–64.

¹² Мнение издателей англоязычной версии книги Троцкого, см.: *Троцкий Л.* Сталин. С. 2. Того же мнения придерживается ряд исследователей, считающих, что решение о ликвидации Троцкого было принято Сталиным именно из-за работы над сталинской биографией. См.: *Козлов В.А., Ненароков А.П.* Лев Троцкий о Сталинизме и «российском термидоре». Некоторые исторические параллели // *Троцкий Л.* Сталин. С. III, XII.

близость к нравам и привычкам среды криминальной. Разделявшая их грань была весьма зыбкой, хотя самим революционерам она казалась несомненной.

Еще один нехороший слух о Кобе, ходивший в партийной среде и также кавказского происхождения, — это подозрение, что он являлся агентом охраны. Обвинение гораздо более серьезное с точки зрения ветеранов подполья, нежели слухи о причастности к экспроприациям. Подпольщикам было свойственно искать в своей среде провокаторов¹³, и их действительно было много, особенно в кавказских организациях. Упомянутые выше публикации 1920-х годов содержат намеки этого рода, Б. Николаевский ссылаясь на ходившие в Баку слухи, что провал и арест С. Шаумяна были следствием сотрудничества Кобы с охранкой¹⁴. Очень прозрачные намеки на провокаторство Кобы находим даже в автобиографическом романе бывшего бакинского подпольщика, опубликованном в 1925 году в Ленинграде, где либо редакторы, не знавшие бакинских слухов, не опознали в тексте этот опасный момент (что, по правде говоря, сомнительно), либо же выход книги был еще одним из антисталинских маневров на этот раз со стороны верхушки ленинградской партийной организации во главе с председателем Петроградского совета Г.Е. Зиновьевым, который также на XIV съезде партии выступил с критикой Сталина¹⁵.

Однако все архивные поиски не дали решительно никаких достоверных документальных подтверждений сотрудничества Иосифа Джугашвили с полицией,

¹³ Настоящая мания подозрительности и поиска агентов охраны в своих рядах прокатилась по партийным комитетам после серии провалов в 1910–1911 г. См.: *Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время.* М.: РОССПЭН, 1996. С. 64–66.

¹⁴ Цит. по: Был ли Сталин агентом охраны?: сб. статей, материалов и документов / под ред. Ю. Фельштинского. М., 1999. С. 19–20.

¹⁵ *Гио А. Жизнь подпольника.* Л., 1925.

зато нашлось много серьезных аргументов, опровергающих такие подозрения¹⁶. Этот вопрос подробно и блестяще рассмотрен крупным знатоком архивов Департамента полиции и приемов агентурной работы того времени З.И. Перегудовой, к ее работам мы и отсылаем читателя¹⁷. Перу этого же автора принадлежат исчерпывающие в своей убедительности доказательства того, что фигурировавшее в литературе так называемое «письмо Еремина», документ, опубликованный И. Левином, якобы происходивший из переписки жандармских офицеров и свидетельствовавший о Сталине как агенте охраны, является подделкой. Он изготовлен в среде эмигрантов, вероятно, бывшим жандармским офицером Руссияновым¹⁸.

Короче говоря, нет ничего удивительного в том, что, утвердившись у власти, Сталин к началу тридцатых годов взял под твердый контроль все, что выходило из печати не только касательно его собственного революционного прошлого, но и вообще истории партии. Отныне любые публикации такого рода требовали санкции ЦК ВКП(б), а деятельность различных общественных организаций, работавших на этой ниве, была свернута, прекратили существование и сами эти организации: Комиссия по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков), более известная как Истпарт (действовала до 1928 года), Общество старых большевиков (закрыто в 1935 году), Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ликвидировано в 1935 году).

¹⁶ Комплекс текстов, написанных в ходе полемики вокруг этой проблемы в 1990-е годы и опубликованных в различных периодических изданиях, собран в сборнике: Был ли Сталин агентом охраны?

¹⁷ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 211–289. См. также статьи этого автора в сборнике, указанном в предыдущей сноске.

¹⁸ Там же.

Кажется очевидным, что в условиях формирования культа Сталина и утверждения официальной идеологии была неизбежной фальсификация недавней истории, а подлинная история, опирающаяся на документы, становилась совершенно неуместной. Но только ли потому, что из революционных анналов приходилось вычеркивать одну за другой фамилии большевиков, «оказавшихся врагами народа», чьи имена теперь не подлежали упоминанию, а заслуги следовало приписать верным сподвижникам вождя? Критики Сталина полагали, что он прежде всего боялся разоблачения своего темного прошлого, оттого история по его приказу подвергалась ревизии, а архивы — чистке и изъятиям. Эта точка зрения была очень распространена в эмигрантских кругах и базировалась на убеждении в истинности слухов, что Сталин был агентом охранки и уголовником. Однако слухи эти на самом деле вряд ли когда-либо имели под собой документальную основу, а в том, что в СССР была проведена чистка полицейских архивов, были убеждены не имевшие к ним доступа эмигрантские авторы, но отнюдь не хранившие тогда и хранящие по сей день эти фонды сотрудники архивов¹⁹.

Между тем, просмотрев большое количество историко-партийной литературы и периодики, могущей иметь отношение к молодости Сталина, изданной как в сталинскую эпоху, так и до, и после нее, я заметила одну ускользавшую от внимания исследователей тенденцию. В 1930-е годы из рассказов о революционерах-подпольщиках постепенно исчезает ряд сюжетов: остросюжетные подробности походов боевиков-бомбистов, экспроприации, убийства штрейкбрехеров, предателей и полицейских агентов, вообще покушения и теракты, транспортировка оружия и проч., — то, что

¹⁹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917) С. 252–253. О потерях документов Департамента полиции после революции 1917 г. см.: Там же. С. 235–239.

так любили живописать партийные летописцы 1920-х годов и чем полны были до некоторых пор страницы журнала «Пролетарская революция». Описания всего, связанного с техникой революционной работы (способы перехода границы, устройства подпольных типографий, принцип создания гектографа), также уходили со страниц историко-партийных публикаций сталинской эпохи. Заметим, что параллельно тогда же была практически закрыта тема истории террористов-народовольцев, которые хоть и были не марксистами и, хуже того, прямыми предшественниками эсеров, но в 1920-х, а затем 1960–1980-х годах вполне успешно вписывались в ряды героев-революционеров. Симптоматично, что журнал «Пролетарская революция» не пережил военных лет и перестал выходить в 1941 году. В 1930-х история подполья стала пресной, чинной, состоящей исключительно из штудий марксизма, листовок, публицистики, изобличения идейных противников, организационной и агитационной работы (без уточнения, что именно подразумевали эти расплывчатые термины), ну, и разумеется, моментов, когда большевики возглавляли восстания трудящихся масс. Было ли это связано с тем, что лично Сталину нечем было похвастаться по части «боевой работы»? Очевидно, такое объяснение не годится, соответствующие эпизоды в биографии Сталина были, а роль его в этом точно так же могла бы быть раздута и преувеличена, как и в любом другом отношении. Кстати, она и преувеличивалась, но, как это ни парадоксально, в той самой негласной, антисталинской устной традиции воспоминаний старых большевиков и меньшевиков-эмигрантов, приписывавшей Сталину непосредственное участие в тифлисской экспроприации 1907 года и бандитские рейды в охваченном революционными выступлениями Баку.

Представляется, что имелась еще одна серьезная причина для умолчаний, не связанная с личной историей советского вождя и его перешедших в разряд

«врагов народа» однопартийцев. 13 декабря 1931 года Сталин дал обширное интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу. В ходе беседы был задан примечательный вопрос: «Людвиг. За Вами десятки лет подпольной работы. Вам приходилось подпольно перевозить и оружие, и литературу, и т.д. Не считаете ли Вы, что враги Советской власти могут заимствовать Ваш опыт и бороться с Советской властью теми же методами? — Сталин. Это, конечно, вполне возможно»²⁰.

В самом деле, разве советское правительство, утвердившись у власти, было заинтересовано в пропаганде техники подпольной работы? Не значило ли это на собственных официозных изданиях обучать своих потенциальных противников?²¹ Кроме того, не берусь утверждать, что именно таков был ход мысли Сталина, но ведь правящей партии следовало позаботиться о своем престиже. Советские руководители претендовали теперь на роль солидных, серьезных государственных деятелей, разве пристало им рассказывать о своем участии в таких делах, как контрабанда оружия или кустарное изготовление бомб? Гораздо благопристойнее был образ партийных публицистов, доблесть которых проявлялась в организации подпольных типографий да смелых побегах из ссылки.

В таком ключе и должна была, очевидно, быть выдержана официальная биография вождя. Уже сложив-

²⁰ *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М., 1946. С. 108.

²¹ Нельзя не заметить, что вслед за возвращением во времена хрущевской оттепели авантюрных сюжетов в историко-революционную литературу к концу 1950-х годов власти столкнулись с появлением в СССР антисоветски настроенных кружков молодежи, студентов и даже школьников, пытавшихся создавать подпольные организации по образцу РСДРП и апеллировавших к чистоте ленинских принципов. Они так и именовали себя: «Новые ленинцы», «Новая РСДРП» (см.: Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. М., 2005. С. 317–374).

шаяся традиция партийного историописания, декларируемые идейные и моральные ценности большевика, принятый у высших партийцев этикет и стиль публичного поведения задавали достаточно узкие и сложные для исполнителя рамки. Ведь предполагалось, что идеальное жизнеописание великого вождя должно стать результатом изучения документальных свидетельств, строгих научных изысканий. Ни в коем случае никто не дал бы сотрудникам Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ) прямого задания сочинять и фальсифицировать биографию Сталина. Все участники процесса должны были делать вид (если не вправду верить), что речь идет именно об изучении свидетельств прошлого. Таким образом, задача создания «правильной» биографии вождя становилась практически нерешаемой.

Выходом стала демонстративная «сталинская скромность», важная часть его образа, подчеркивавшаяся пропагандой. По выражению Яна Плампера, автора недавнего исследования визуальной составляющей сталинского культа, посвятившего «сталинской скромности» отдельный раздел своей книги, «сложился образ Сталина, находившегося в откровенной оппозиции к своему собственному культу или в лучшем случае неохотно его терпевшего»²². В 1935 году Е. Ярославский просил разрешения Сталина на доступ к архивам ИМЭЛ для составления его биографии. Сталин на письме Ярославского оставил резолюцию: «Я против затеи насчет моей биографии. У Максима Горького тоже имеется намерение аналогичное с Вашим [...] Я устранился от этого дела. Я думаю, что не пришло еще то время для биографии Сталина!!»²³. Это был поистине остроумный и дальновидный маневр:

²² Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛЮ, 2010. С. 185. Анализ феномена «сталинской скромности» см.: Там же. С. 185–208.

²³ Там же. С. 187–188.

Сталин под видом нежелания «выпячивать» свою личность пресекал излишнее любопытство касательно своего прошлого, заодно оставляя себе возможность отбирать то, что он сам считал годным для печати. Таким образом, снималась проблема соответствия между неумеренными славословиями, восхвалением выдающейся роли вождя и значительно более скромной исторической реальностью: последней предстояло пока пылиться в архиве.

В делах сталинского архива сохранилось значительное количество образчиков представленных на согласование текстов о нем с его резолюциями²⁴. Иногда он кратко, но выразительно мотивировал свое решение, как, например, случилось с опусом его детского друга Г. Елисабедашвили, решившего написать о детстве и юности Сосо Джугашвили: «Против опубликования. Кроме всего прочего, автор безбожно наврал. И. Сталин»²⁵. Но главный мотив этих резолюций сводился к ссылкам на базовые тезисы русского марксизма о партии и роли личности в истории: «Зря распространяетесь о “вожде”. Это не хорошо и, пожалуй, не прилично! Не в “вожде” дело, а в коллективном руководителе — в ЦК партии»; «Упоминания о Сталине надо исключить. Вместо Сталина следовало бы поставить ЦК партии»²⁶.

Исследователи фонда Сталина полагают, что даже при формировании своего секретного до поры архива он тщательно следил за тем, как эти материалы будут обрисовывать его образ, и заботился о создании впе-

²⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Примеры этого рода можно найти в книге Я. Плампера.

²⁵ Цит. по: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. С. 61.

²⁶ Там же. С. 186–188. В первом случае цитата из ответа драматургу А. Афиногенову (1933), во втором — отзыв на сценарий фильма «Великий гражданин» (1937).

чатления скромности и нелюбви к избыточной лести²⁷. Впрочем, заглянув в некоторые из отвергнутых им сочинений, нельзя не заметить, что Сталин не был лишен определенного чувства меры и отказывался выпускать в свет тексты действительно опрометчивые, нелепые или не учитывавшие нюансы столь тщательно продуманного образа. По-видимому, предпочтительны были тексты, восхваляющие Сталина в рамках современности, привязанные к текущим событиям, ретроспективные же вкрапления не поощрялись, тщательно отбирались и дозировались. Среди отвергнутых рукописей имеются, например, книги о детстве и юности вождя, ориентированные на детскую аудиторию (как упомянутая работа Елисабедашвили, а также книга другого его детского друга П. Капанадзе²⁸).

Стоит обратить внимание, что художественно-документальная литература, посвященная молодому Сталину, не поощрялась. Мы не найдем о нем того количества назидательных рассказов для детей, документальных повестей о похождениях большевика-подпольщика, вообще беллетризованных его биографий, какими изобиловал насаждавшийся в позднем СССР культ Ленина или какие писались о других известных большевиках (вспомним хотя бы многократно переизданную повесть А. Голубевой «Мальчик из Уржума» о юном Кирове). Полагаю, что в этом контексте следует рассматривать и запрещение пьесы М.А. Булгакова «Батум»: дело было не столько в конкретных промахах автора или отношении к нему Сталина, сколько в нежелательности самого биографического жанра.

Очевидно, Сталин прекрасно понимал, что чем больше подробностей из его прошлого окажется до-

²⁷ Хлевнюк О.В. Политбюро. М.: РОССПЭН, 1996. С. 15–16; Плампер Я. Алхимия власти. С. 193–194.

²⁸ Капанадзе П. Воспоминания о детских и юношеских годах вождя. Литературная запись для детей Анны Кравченко. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 669.

стоянием публики, чем больше они будут муссироваться даже в апологетическом ключе, тем больше риск, что пытливые читатели заметят какие-то несоответствия и несообразности. Вопрос о полной, подробной биографии был им снят. Вместо этого появилась «Краткая биография» (1939) — этот текст стал основой пропагандистского освещения темы²⁹, а также несколько эталонных работ, задававших тон и сообщавших тот набор фактов, которыми и следовало впредь оперировать. Это в первую очередь обнародованный под именем Л.П. Берии доклад «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (1935)³⁰. Примечательно, что он составлен именно как рассказ о партийной истории, а не лично о Сталине — в полном соответствии с его требованием к соратникам быть скромнее и не забывать о том, что главными действующими лицами революционной борьбы были большевистская партия и ее ЦК. Вместе с тем доклад Берии представлял собой официальную трактовку наиболее спорного периода деятельности Иосифа Джугашвили.

Можно назвать еще все-таки написанную книгу Емельяна Ярославского «О товарище Сталине» (1939) или книгу Анри Барбюса, которому как иностранцу даже были позволены маленькие вольности в трактовке событий. Впрочем, дело было не только в его статусе сочувствующего иностранца. Проблема состояла в том, что даже при тщательном отборе и дозировании

²⁹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография / Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). М., 1939. Книга многократно переиздавалась, в 1947 году вышло 2-е исправленное издание, снова под грифом ИМЭЛ (составители Г.Ф. Александров, М.Р. Галактионов, В.С. Кружков и др.). Известна правка, внесенная в текст при подготовке этого издания самим Сталиным (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9).

³⁰ Конечно же, этот доклад, при подготовке которого была проделана довольно серьезная архивная исследовательская работа, готовил и писал не сам Берия.

фактов не удавалось добиться единообразия изложений биографии вождя.

Приведу один пример. В январе 1904 года Иосиф Джугашвили бежал из сибирской ссылки. Доклад Берии и биографическая хроника в собрании сочинений Сталина лаконично сообщают, что он приехал в Тифлис и вернулся к революционной работе³¹. На самом же деле сначала он поехал в Батум, но вернуться там к подпольной работе ему не удалось. Мы можем лишь гадать, было ли упоминание об этом опущено в бериевском докладе как мелкое и несущественное или же составители сочли, что тут просматривался бы неприятный намек на неудачу Сталина в Батуме и еще какие-то сопряженные с ней обстоятельства. В то же время совсем запретным этот эпизод не был, он присутствует в сборниках воспоминаний революционных рабочих о Сталине, а со ссылкой на них — в книге Е. Ярославского³². Но тот же Ярославский в своем курсе лекций по истории ВКП(б), изданном в 1947 году, обнаружил и совершенно другую версию: «Из Сибири товарищ Сталин поехал за границу, в Лейпциг, где встретился с товарищами по совместной работе в Закавказье. В Лейпциге в декабре 1900 г. вышел первый номер ленинской “Искры”. Затем Сталин поехал в Россию, в Батум»³³.

³¹ Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. ГИЗ, 1952. С. 55; Сталин И.В. Соч. Т. 1. С. 121.

³² Киртадзе-Сихарулидзе Н. Из воспоминаний о вожде // Батумская демонстрация 1902 года. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 89; Ломджария В. Сталин воспитывал в нас мужество и ненависть к врагу // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937. С. 75; Ярославский Е. О товарище Сталине. М., 1939. С. 27.

³³ Ярославский Е. История ВКП(б) (1883–1912 годы): Курс лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б). М., 1947. С. 278.

Я могу указать на источник, послуживший, вероятно, Ярославскому для формулирования этой версии: протокол допроса И.В. Джугашвили в Баку 1 апреля 1908 года. Он заявил жандармскому поручику Боровкову, что, бежав из ссылки, сразу же отправился в Лейпциг, где провел около 11 месяцев, причем далее, на том же допросе, уточнил, что вернулся в Россию после манифеста 17 октября 1905 года и жил в Лейпциге «более года»³⁴. Конечно же, это было откровенное вранье с целью избежать ответственности и не давать показаний о событиях 1905 года. Никто Джугашвили в Лейпциге не видел, никаких свидетельств, подтверждающих эту поездку, не существует. Ярославский, неплохо осведомленный о партийных делах, не мог не знать, что Сталин не был в Лейпциге в 1904–1905 годах. И все же эта версия, очевидно, показалась ему привлекательной, ибо, развивая ее, можно было отнести к этому времени знакомство Сталина с Лениным и, стало быть, изобразить его более близким ленинским соратником. Не зря в процитированном отрывке появилось упоминание об издании в Лейпциге первого номера «Искры». Ярославский, однако, поступил опрометчиво. Сталин еще в январе 1924 года, выступая перед кремлевскими курсантами, рассказал, что впервые увидел Ленина на Таммерфорской конференции в декабре 1905 года, и эта его речь была опубликована³⁵. В сравнении с текстом Ярославского получалось, что Сталин, прожив столько времени за границей, так и не встретился с Лениным, а это выглядело уж совсем неуместно. И все же, несмотря на столь явное противоречие, процитированный пассаж появился в 1947 году при переиздании текста Ярославского, причем в более ранних вариантах его лекций, увидевших свет в 1933 и 1934 годах, ни этого эпизода, ни вообще повышенного

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 25–26 об.

³⁵ *Сталин И.В.* О Ленине: Речь на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. // *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 54.

внимания к биографии Сталина на фоне истории партии не было. Надо сказать, что это не единственный случай, когда именно Е. Ярославский оказывался инициатором создания очередного, плохо продуманного мифа из жизни вождя. Возможно, именно по этой причине Сталин не захотел видеть его в роли своего биографа.

Никакой более или менее полной биографии Сталина при его жизни не появилось, а усилия сотрудников ИМЭЛ вместо того были направлены на подготовку многотомного собрания его сочинений, первые тома которого вышли в свет в 1946 году. Это также был хорошо продуманный ход: статьи и выступления Сталина так или иначе переиздавались, и он внимательно следил за тем, чтобы тексты были выправлены и приведены в порядок (не только политически, но и чисто стилистически, примеры его правки сохранились в архиве). Собрание сочинений, которое не замышлялось как полное, позволяло создать эталонный корпус текстов. К томам прилагалась биографическая хроника Сталина, более подробная, чем «Краткая биография», но в силу самой формы позволявшая обходить сложные вопросы.

Разумеется, и публикации документов, касавшихся прошлого Сталина, при его жизни внимательно выверялись и дозировались. Было их немного.

К 35-летию батумской стачки и демонстрации был издан сборник материалов, куда вошли воспоминания участников и некоторые архивные документы³⁶. В том же году в центральном столичном издательстве вышел сборник воспоминаний «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине»³⁷. К 60-летию юбилею

³⁶ Батумская демонстрация 1902 года. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.

³⁷ Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. 2-е изд. М., 1937. Первое издание данной книги незадолго до этого увидело свет в Закавказье и отсутствует в московских библиотеках.

вождя в 1939 году довольно объемная подборка отрывков из воспоминаний и архивных документов «Детство и юность вождя» появилась в журнале «Молодая гвардия»³⁸, хронологически она охватывала период от детства Сосо Джугашвили до конца 1901 года, то есть до переезда в Батум, таким образом, как бы смыкаясь со сборником о батумской демонстрации.

Если перечисленные издания делались к юбилеям, то еще одна, наиболее значительная из вышедших при жизни Сталина публикация документов о его революционной деятельности являет собой некоторую загадку. Во втором номере журнала «Красный архив» (исторический журнал, специализировавшийся на научных архивных публикациях, выходил 6 раз в год, т.е. второй номер должен был выйти в марте-апреле) за 1941 год были помещены «Архивные материалы о революционной деятельности И.В. Сталина. 1908–1913 гг.»³⁹. Предисловия публикация не имела, документам было предпослано лишь краткое указание на то, что читателю предлагаются материалы, «относящиеся к периоду столыпинской реакции и нового революционного подъема»⁴⁰, что они «составляют лишь незначительную часть того огромного материала, который выявлен по данному вопросу в государственных архивах СССР», и что «подавляющее большинство» документов публикуются впервые, а оригиналы хранятся в архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина и в Центральном

³⁸ Детство и юность вождя. Документы, записи, рассказы / сост. Вл. Каминский, Ив. Верещагин // Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 22–101.

³⁹ Архивные материалы о революционной деятельности И.В. Сталина. 1908–1913 гг. // Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 3–32.

⁴⁰ Согласно принятой советской периодизации истории, за поражением революции 1905–1907 годов последовал период репрессий и реакции, новый подъем революционного движения начался в 1912 году.

государственном архиве революции НКВД СССР⁴¹. Готовила к печати документы Софья Марковна Познер, старая большевичка, в прошлом член петербургской боевой группы большевиков, в 1920–1930-х годах много занимавшаяся историей партии, выпустившая сборники по истории боевой организации, первой русской революции и др. Загадка, как мне кажется, состоит в моменте публикации и выборе освещаемого ею отрезка времени.

Ни к какому юбилею она не была приурочена, а учитывая принципиальную редкость и продуманность обнаружения любых касающихся биографии Сталина документов, сложно считать ее появление весной 1941 года случайным. Столь же неслучайным, вероятно, было и то, что непосредственно вслед за материалами о революционной деятельности Сталина в том же номере журнала был помещен довольно большой материал Е. Бор-Раменского «Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья», включавшая вступительную статью и документальную подборку. Речь шла о том, что «большевицкая организация в Закавказье, созданная и руководимая соратником В.И. Ленина — товарищем Сталиным, принимала живое участие в иранской революции»⁴², рассказывалось о походе в Персию на помощь местным революционерам боевого отряда во главе с Серго Орджоникидзе в 1909–1910 годах. То, что Орджоникидзе считался давним другом и соратником Сталина, было общеизвестно. И, между прочим, в изданной журналом «Красный архив» к юбилею Орджоникидзе в 1936 году хронологии его жизни и деятельности пер-

⁴¹ В настоящее время архив ИМЭЛ — это Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а бывший ЦГАОР НКВД СССР преобразован в Государственный архив РФ (ГА РФ).

⁴² Бор-Раменский Е. Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья // Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 37–38.

сидский эпизод не был упомянут вовсе⁴³. Представляется, что появление весной 1941 года обоих этих материалов вместе могло быть неким сигналом, намеком на фоне происходивших в предвоенные месяцы закулисных дипломатических игр, когда Иран как спорная сфера влияния вновь приобрел актуальность. Однако вопрос этот совершенно не исследован и нуждается в дальнейшем осмыслении в контексте предыстории Второй мировой войны, далеко выходящем за рамки настоящей работы. Нам лишь важно не упускать из виду, что подробности биографии Сталина и его соратников ни на минуту не переставали быть фактором текущей политики.

Помимо перечисленных некоторые документы из архивов полиции, касавшиеся деятельности Сталина в подполье, появлялись то в виде отдельных журнальных публикаций, то в книгах о других большевиках (так, в книгах о Я.М. Свердлове, написанных его вдовой, приводились документы об их совместном пребывании в ссылке), то в изданиях краеведческого характера, рассказывавших о связанных со Сталиным мемориальных местах. Как правило, в такого рода изданиях наблюдается ротация одних и тех же цитируемых документов. Можно отметить выделяющиеся на общем фоне работы М.А. Москалева, который ввел в оборот ряд документов, особенно в своей книге о сибирской ссылке Сталина, где опубликовано довольно много материалов Красноярского краевого архива⁴⁴. Отдельного разговора заслуживало бы нали-

⁴³ Некоторые даты подпольной партийной работы Г.К. Орджоникидзе. 1903–1912 гг. // Красный архив. 1936. № 5 (78). С. 15–22.

⁴⁴ *Москалев М.А. И.В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск, 1942; Москалев М.А. Русское Бюро ЦК большевистской партии. 1912 – март 1917. М., 1947; Книга того же автора «Большевистские организации Закавказья периода первой русской революции и в годы столыпинской реакции» (М.,*

чие разницы между историко-партийными, историко-революционными работами, выходявшими на русском языке в центральных советских издательствах, и изданиями на грузинском и азербайджанском языках, печатавшимися в Тбилиси и Баку. По-видимому, республиканским издательствам в некоторых отношениях позволялось несколько больше, в других, наоборот, — меньше, нежели центральным, а культ Сталина в грузинской печати имел свои особенности. К сожалению, этот аспект советской пропаганды совершенно не изучен и ждет своих исследователей.

Когда Сталин стал диктатором, его биография подверглась строгому контролю, цензуре, фальсификации, превратилась в парадное жизнеописание. Но, как мы уже видели, и до того о нем писали не слишком правдиво и также по причинам политическим, хотя совершенно другого рода. После XX съезда КПСС, речи Н.С. Хрущева и разоблачения культа личности некоторая доля прежде запретной партийной истории стала разрешенной. Но далеко не вся, по-прежнему не подлежали упоминанию в сколь-нибудь положительном смысле как имена Н.И. Бухарина, Л.Б. Каменева, Н.И. Рыкова и, конечно же, Л.Д. Троцкого (разоблачать их как врагов позволялось в определенных пределах), так и многие факты. Эта относительная свобода никоим образом не означала, что о фигуре Сталина стало можно писать более честно. Наоборот, имя Сталина теперь отовсюду вычеркивалось и подлежало забвению. Смена ориентиров произошла достаточно резко и внезапно, так что в парадной книге к 50-летию первой революции в Грузии⁴⁵ во вводной части находим несколько статей и прокламаций, написанных Сталиным, но затем, на следующих восьмистах страницах

1940) в значительно большей мере следует общим шаблонам изложения.

⁴⁵ Революция 1905–1907 гг. в Грузии. Сборник документов / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1956.

книги, его имя встречается лишь однажды (в тексте жандармского донесения). Такое впечатление, что указание исключить упоминания о Сталине пришло, когда начало книги уже было сверстано в типографии и переделывать его не стали.

Авторы многократно переиздававшихся мемуаров (в частности, вдовы Орджоникидзе и Свердлова) меняли текст, выбрасывая эпизоды со Сталиным. Причем в лучшем случае шли на умолчания, как З.Г. Орджоникидзе, в первой версии книги которой «Путь большевика. Страницы из воспоминаний о Серго Орджоникидзе» имелись упоминания о совместной деятельности Серго и Кобы, например, рассказ о том, как Орджоникидзе в 1912 году приехал к Сталину в вологодскую ссылку, помог организовать побег и вместе с ним выехал из Вологды⁴⁶ (что подтверждается многими сохранившимися источниками, в том числе донесениями полицейских агентов наружного наблюдения). Во втором издании, переработанном практически в другую книгу, но вышедшем под тем же названием в 1956 году, этого эпизода нет, как нет и вообще упоминаний о Сталине. Однако З.Г. Орджоникидзе постаралась по крайней мере не писать явной неправды. Тогда как многие престарелые большевики умолчаниями не ограничивались, и к изумительным трансформациям, случившимся с их мемуарами, мы еще вернемся.

Запрет на упоминание в печати имени Сталина продержался до самого конца существования СССР, но в течение 1970–1980-х годов понемногу слабел, так что в научных изданиях его уже не избегали полностью, но старались, чтобы оно звучало нейтрально и не привлекало лишнего внимания. Это, конечно, не касалось рассчитанных на широкого читателя массовых пропагандистских и историко-партийных книжек, равно как многочисленных книг о Великой Отечественной войне — там никакого Сталина не полагалось. Впро-

⁴⁶ Орджоникидзе З.Г. Путь большевика. Страницы из воспоминаний о Серго Орджоникидзе. М., 1939. С. 35.

чем, из таких солидных, хотя и многотиражных и имевшихся в любой библиотеке публикаций, как переиздания протоколов съездов РСДРП или тома сочинений В.И. Ленина, Сталин изгнан не был.

По не нуждающимся в комментариях причинам в написании биографий Сталина лидировали западные советологи. За рубежом первые книги о Сталине стали появляться еще в 1930-х годах, они были, конечно же, частью политической публицистики и заложили традицию, так или иначе оказывавшую влияние на последующих авторов. Западные ученые, разумеется, не могли пользоваться советскими архивами, небезосновательно не доверяли официозным историко-партийным изданиям (к тому же, подозреваю, не все эти издания были доступны зарубежному исследователю) и основывались прежде всего на эмигрантских мемуарах. Рассказы эмигрантов, политических (а зачастую и личных) противников Сталина именно в силу этого считались более объективными в противовес безудержной апологетике культа вождя и «отца народов». Исследователи охотно ссылались на книги Л.Д. Троцкого («Портреты революционеров», «Сталин»), воспоминания И. Иремашвили, Г. Уратадзе. Книга Иремашвили появилась раньше прочих, в 1932 году, и долго служила одним из основных источников для выходявших за пределами СССР работ о советском диктаторе. Незаконченная книга Троцкого о Сталине впервые увидела свет в 1941 году.

Говоря об их информационных возможностях, следует отметить, что Иремашвили, приятель Иосифа Джугашвили по горийскому духовному училищу и тифлисской семинарии, достаточно рано примкнул к меньшевикам, следовательно, он лишь в какой-то степени являлся непосредственным свидетелем деятельности Джугашвили в рядах большевиков. Не был таковым и Троцкий, не входивший в большевистскую фракцию и до 1917 года видевший Джугашвили лишь

мельком в Вене. Осведомленность Троцкого о более поздних партийных делах не делала его знатоком истории революционного подполья в Закавказье периода первой русской революции. Впрочем, на фоне других писавших в эмиграции авторов он обладал материалом, почерпнутым из советских историко-партийных публикаций 1920-х. Воспоминания крупных грузинских меньшевиков Уратадзе и Ноя Жорданиа были опубликованы позднее, в 1960-х годах, причем оба автора, как и Иремашвили, знали далеко не все о происходившем внутри большевистских организаций.

Таким образом, зарубежная сталиниана испытывала острый дефицит фактических сведений, в первую очередь о деятельности Джугашвили-Кобы-Сталина в партийном подполье, особенно кавказском. Как следствие, при значительном количестве работ ранняя часть его биографии была представлена весьма схематично, а скудость сведений побуждала авторов изошряться в бесконечно варьирующихся интерпретациях.

Повышенное внимание уделялось детству Сталина, тем более что именно о нем много повествовал Иремашвили. Особенности его личности выводились из впечатлений детства в полном соответствии с фрейдовским учением. В центре внимания оказывалась обстановка в семье. Противоречивые свидетельства нескольких грузинских мемуаристов приводили к дискуссиям: был ли Виссарион Джугашвили горьким пьяницей; бил ли он маленького Иосифа; в какой момент Виссарион покинул семью; стоит ли доверять сведениям о любовниках Екатерины Джугашвили; была ли она строга к единственному сыну или безмерно его баловала и т.д. Соответственно выстраивались гипотезы идущего из детства невротического поведения, Иосиф Джугашвили представал то ребенком, оказавшимся между жестоким отцом и обожающей матерью, то избалованным материнским любимишкой с завышенной самооценкой и комплексом

отсутствующего отца⁴⁷. Кажется, за всем этим как-то ускользало из виду то обстоятельство, что обращение к теории доктора Фрейда служило очень удобной маскировкой весьма пунктирного рассмотрения тех трех десятилетий, что отделяли Сталина-ребенка от Сталина, командующего на Царицынском фронте и затем утверждающегося у власти в огромной стране.

Недоверие к подцензурным советским публикациям приводило к упущению источников, которые при внимательном чтении и критическом сопоставлении могли бы расширить скудный набор сведений о революционном прошлом советского вождя. Отметая советские историко-партийные издания как заведомую фальсификацию, исследователи обедняли свою источниковую базу. В конце концов, как ни крути, а кто, кроме самих большевиков, мог рассказать о большевистском подполье?

Вместе с тем именно за рубежом на фоне этого информационного голода получали хождение такие знаменитые фальшивки, как «письмо Еремина» или мемуары А. Орлова, бежавшего на Запад сотрудника НКВД. Орлов рассказал о якобы попавшей в его руки папке из секретного сейфа наркома внутренних дел. В папке, как он утверждал, лежали документы о сотрудничестве Иосифа Джугашвили с охранкой. В настоящее время авторитетные исследователи сталинизма убеждены, что мемуары Орлова не заслуживают доверия⁴⁸. Такого рода рассказов перебежчиков существует множество и не следует обольщаться их разоблачительными откровениями: совершенно очевидно, что эти люди руководствовались конъюнктурой того момента, существовавшим на Западе спросом на антисоветские

⁴⁷ Суни Р.-Г. Осмысляя Сталина // *Ab Imperio*. 2009. № 1. С. 51–81.

⁴⁸ Хлевнюк О.В. История «тайной истории» // *Свободная мысль*. 1996. № 3. С. 119; Перегудова З.И. Политический сыск России. С. 277–282. См. также: Был ли Сталин агентом охранки?

разоблачения и пользовались тем обстоятельством, что проверить и опровергнуть их слова было невозможно. То же самое относится и к авторам мемуаров (И. Иремашвили, С. Верещак и др.), чье творчество воспринималось недостаточно критично.

Располагая минимумом данных, исследователям приходилось проявлять немалую виртуозность в стремлении извлечь из них понимание того, что представляет из себя загадочный советский генералиссимус и что происходит и происходило в стране под его властью. В течение полувека, начиная с 1930-х годов и до горбачевской перестройки, множество авторов, от откровенных политических публицистов и пропагандистов до строгих академических интеллектуалов, писали о Сталине. Он, конечно же, интересовал всех в первую очередь как глава государства, но и здесь возникал своеобразный парадокс. Уже первые авторы сталинских биографий тридцатых годов столкнулись с дефицитом актуальных сведений о советском руководстве, но зато могли использовать рассказы Иремашвили и других эмигрантов; не имея возможности анализировать Сталина-правителя, они переключали внимание на Сталина-подпольщика, пытаясь понять его через прошлое. Таким образом сложилась длительная традиция обсуждения сталинской биографии, дискуссий вокруг таких проблем, как его вероятное сотрудничество с охранкой, причастность к экспроприациям и другим террористическим актам, связь с уголовным миром. Полностью независимыми друг от друга внутрисоветская и зарубежная «сталиниана» не были, время от времени происходила инфильтрация тех или иных сведений, слухов, циркулировали те же темы (иногда как предметы умолчания). Сейчас при наличии доступа в архивы большинство старых работ о Сталине уходят в область истории исторической науки, но наработанные за десятилетия «способы говорить о Сталине» по-прежнему довлеют и заставляют искать ответы все на те же вопросы.

Среди доперестроечной историографии с точки зрения широты круга источников я бы выделила труды Роберта Такера. Американский ученый, волей судьбы проживший многие годы в СССР, воспользовался этим для того, чтобы включить в свои размышления о личности Сталина документы и воспоминания, опубликованные в советской печати. Его книги таким образом сблизили обе линии сталинианы, советскую и зарубежную, разумеется, исключительно с точки зрения аккумуляции циркулировавшей там и там информации.

Первым смог увидеть еще секретные советские архивы, касающиеся Сталина, генерал и заместитель начальника Главного политического управления Советской армии Д.А. Волкогонов⁴⁹. Он получил возможность ввести в оборот множество новых источников, но этим значение его книги ограничивается, конечно, если не считать того обстоятельства, что само по себе ее появление служило индикатором радикально сменившихся в СССР идеологических установок.

Затем последовало открытие архивных фондов, кардинально изменившее ситуацию с изучением советской истории. За последние четверть века исследования сталинской эпохи стали постоянно востребованной, интенсивно разрабатываемой областью исторической науки. Из печати вышло множество книг о Сталине, его политике, крупнейших, переломных моментах — коллективизации, построении индустрии, политических репрессиях. Конечно же, в фокусе внимания по-прежнему остается именно Сталин как глава государства, его продвижение к власти, механизмы принятия решений. Что касается молодости советского диктатора, то вновь изданных материалов не так уж много. Как правило, это журнальные публикации

⁴⁹ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: политический портрет Сталина. Т. 1, 2. М.: Изд-во АПН, 1989.

отдельных документов или небольших комплексов⁵⁰, особо следует отметить сборник «Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927» (М., 1996), вышел ряд статей и книг. Однако изучение дореволюционной биографии Сталина пока сильно отстает от исследований Сталина во власти. Работ, специально посвященных начальной части его жизни, все еще немного, все так же ощущается неполнота источников, по-прежнему нет цельной картины, на повестке дня остаются те же самые вопросы, что родились еще в среде эмиграции первой волны.

Петербургский историк А.В. Островский в своей книге «Кто стоял за спиной Сталина?» впервые ввел в научный оборот по-настоящему большое количество документов, в том числе из архивов Грузии. В его скрупулезном труде основное внимание уделено фактографии жизни молодого Сталина. Попутно А.В. Островский выявляет разнообразие неясности и противоречия в источниках. Усилиями автора дореволюционный период сталинской биографии наконец-то достаточно детально прописан, стал цельным, без лакун и «белых пятен».

Сильными сторонами работы, безусловно, являются готовность подвергать сомнению и проверке сведения из документов (в первую очередь недоверие у автора вызывают документы, исходящие от полицейско-

⁵⁰ О найденной метрике, содержащей подлинную дату рождения Сталина (Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 132–134); серия материалов, опубликованных в журнале «Источник» М. Леушиным: письма к Сталину от знакомых из Туруханска (2001. № 2. С. 50–55), из речи Сталина о положении семьи его родителей (Там же), докладная записка главы КГБ СССР И. Серова Н. Хрущеву о проверке сведений из «письма Еремина», опубликованное в «Лайф» (2002. № 4. С. 73–76); многократно цитированные в разных местах письма Сталина к Р. Малиновскому; опубликованное Б. Додоновым письмо тифлисского меньшевика Н. Хомерики об интригах И. Джугашвили (Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 77–80) и т.д. В годы перестройки некоторые материалы из сталинской биографии публиковались также в газетах.

го ведомства), пристальное внимание к источникам финансирования деятельности большевиков. Сложно спорить с тем, что книга А.В. Островского является этапом в разработке темы, но, к сожалению, она не лишена недостатков. Многие выводы автора далеко не бесспорны, многие вопросы, особенно связанные с внутрипартийным контекстом, он обходит стороной, а критический настрой по отношению к источникам то перерастает в настоящую подозрительность, то вдруг исчезает вовсе (причем иногда именно там, где скептицизм был бы полезен). А.В. Островский справедливо поднимает тему финансовой поддержки деятельности большевиков и ищет ленинских спонсоров среди крупной буржуазии и сановников Российской империи. Тема эта актуальна и закономерна, однако Островский видит ее не как проблему поддержки большевизма и других радикальных течений русским обществом, но в конспирологическом ключе, что вряд ли продуктивно. Так или иначе, книга Островского служит неплохой отправной точкой для дальнейших исследований.

Одной из актуальных стала тема Сталина как человека пограничья, формировавшегося под перекрестным воздействием нескольких культур. Родная грузинская культура, имперская и школьная русская; европейская, узнаваемая через книги, и, напротив, присутствовавшие рядом и считываемые на основе бытового повседневного общения армянская культура, разновидности мусульманской у местных азербайджанцев, турок, персов. Добавить к этому привычное с детства грузинское богослужение, полученное в семинарии русское православное образование, революционные материалистические и интернациональные учения.

Михаил Вайскопф анализировал стиль, язык, метафорику сталинских статей и выступлений, прослеживал источники используемых им риторических приемов⁵¹. Вайскопфа интересовало, как повлияли на речь

⁵¹ Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: НЛО, 2002.

и мышление Иосифа Джугашвили полученное им образование, библейские и православные коннотации и не прошедшие даром уроки риторики; его круг чтения, русская и грузинская классика, популярная в революционной среде литература, специфический большевистский речевой стиль; наконец, низовой, бытовой субстрат грузинской традиционной культуры.

О том, как на личности, мировосприятии и манере действовать Сталина отразилось его грузинское происхождение, о разных аспектах этой проблемы, используя разные источники, размышляли Р.Г. Суни, Й. Баберовский, А. Рибер, Э. Ван Ри, Р. Сервис, С.С. Монтефиоре, Я. Плампер и другие исследователи. Так, Йорг Баберовский, не говоря непосредственно о самом Сталине, сосредоточился на истории Кавказа в первой половине XX века, а в качестве развернутой предыстории рассмотрел колониальную политику Российской империи в этом регионе⁵². Разумеется, этот контекст необходим для понимания особенностей революционного движения в Закавказье, а фоном для действий большевика Кобы служат события в Баку, в том числе кровавые столкновения на национальной почве между азербайджанцами и армянами, происходившие там одновременно с развертыванием революционных волнений в 1905 году. Альфреда Рибера интересовали преломление марксистской доктрины в локальной кавказской культурной среде, разница позиций меньшевиков и большевиков, вопросы самопрезентации молодого Сталина, и в связи с ней история смены его авторских псевдонимов⁵³. Рибер полагал, что молодой большевик Джугашвили усиленно подчеркивал свою близость к пролетариату (даже выбором одежды) и

⁵² *Баберовский Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

⁵³ *Rieber A. J.* Stalin, Man of the Borderlands // *American Historical Review.* 2001. Vol. 106. No. 5. P. 1651–1691.

противопоставлял себя интеллигенции. Дискутируя с этой точкой зрения, Эрик Ван Ри напомнил о традиционной для русских революционеров просветительской тенденции⁵⁴. По его мнению, Коба претендовал не на принадлежность к пролетариату, но на положение лидера, ведущего рабочую массу к революции под руководством партийцев-интеллигентов. Обосновывая этот тезис, исследователь выявил влияние классических просветительских идей в стихотворениях семинариста Джугашвили. Э. Ван Ри обсуждал также интерпретацию марксизма в статьях молодого Сталина⁵⁵. Я. Плампер, изучающий механизмы функционирования культа Сталина, обсуждал, в какой мере в его публичной презентации был задействован и какую роль играл факт его грузинского происхождения⁵⁶.

Автор статьи волен выбирать тот или иной аспект темы по своему усмотрению. Историк, принимающемуся за биографию, приходится рассматривать ее целиком, уделяя внимание всем основным периодам и проблемам и заботясь к тому же о пропорциональности частей. О молодых годах Сталина с разной степенью детализации писали все его биографы. В некоторых случаях они ограничивались кратким пересказом давно известных фактов, в других, как, например, книге Р. Сервиса⁵⁷, можно найти квинтэссенцию последних на момент выхода книги достижений в этой области, пополненных собственными открытиями автора.

⁵⁴ *Van Ree E. The Stalinist Self: The Case of Ioseb Jughashvili (1898–1907) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. No. 2 (New Series). P. 257–282.*

⁵⁵ *Van Ree E. The Political Thought of Joseph Stalin: A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. Routledge Curzon. L.; N.Y.: Routledge, 2002.*

⁵⁶ *Plamper J. Georgian Koba or Soviet “Father of Peoples”? The Stalin Cult and Ethnicity / A. Bala’zs et al. (eds). The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and The Eastern Bloc. Basingstoke, 2004. P. 123–140.*

⁵⁷ *Service R. Stalin: A Biography. L., 2004.*

Так, Р. Сервис, пользуясь новыми архивными источниками, указал на то немаловажное обстоятельство, что Иосиф Джугашвили покинул тифлисскую семинарию по собственному желанию, не явившись на итоговые экзамены, а вовсе не был, как гласила официальная версия его биографии и как он сам утверждал, исключен за революционную деятельность и чтение Маркса; автор высказал свои соображения по поводу рецепции марксизма в Закавказье. Он заметил, как с изменением положения Кобы в партии тот сменил язык, с определенного момента перестал писать статьи и листовки по-грузински и полностью перешел на русский язык.

Автор недавнего труда о Сталине С. Коткин⁵⁸ также обратил пристальное внимание на контекст формирования личности Иосифа Джугашвили и затем его революционной деятельности. Причем контекстом служат как особенности развития Российской империи и имперской политики в Грузии, так и разворачивавшиеся во всем мире процессы модернизации. Таким образом, С. Коткин нашел чрезвычайно плодотворный фокус рассмотрения фигуры Сталина, поместив его в просторные рамки, что дает исследователю право сопоставлять его с другими, действовавшими в сходных исторических обстоятельствах, диктаторами — не только с Гитлером, с которым Сталина сравнивают неизбежно и постоянно, но и с менее очевидными, например, с Саддамом Хусейном. Важно для С. Коткина также сравнение Сталина с двумя, как принято считать, образцовыми для него историческими персонажами — Иваном Грозным и Петром Великим. Такой подход избавляет автора от погружения в избыток мелких деталей (уже столько раз обсуждавшихся сталинскими биографами), но позволяет заметить, что, к примеру, бесконечно обсуждаемое детство Иосифа Джугашвили было не таким уж драматичным (даже его близким соратникам

⁵⁸ *Kotkin S. Stalin: Paradoxes of Power. Vol. 1. N.Y., 2014.*

и друзьям Кирову и Орджоникидзе выпали гораздо более трудные обстоятельства). Возвращаясь к проблеме Сталина как человека с окраины империи, из провинции, с ничего не обещавшими стартовыми позициями (и проводя здесь аналогию с Наполеоном Бонапартом), Коткин приходит к принципиально важному наблюдению, что Иосиф Джугашвили, в юности отдав дань национализму и грузинскому патриотизму, свойственным тогда тифлисской интеллигенции, затем выбрал более широкую перспективу, «сменил свой национализм маленькой грузинской нации на более широкие горизонты», и в этом было его фундаментальное отличие от Гитлера.

Современные исследователи заново прочли сталинские тексты и пришли к ряду весьма плодотворных наблюдений и о его взглядах, и об особенностях его личности. Но наряду с этим по-прежнему чувствуется дефицит конкретных, предметных знаний о том, что Иосиф Джугашвили делал в закавказских партийных организациях, как складывалась его карьера подпольщика, чем именно он занимался. Конечно же, эти лакуны не случайны и обусловлены сложностью сбора и интерпретации источников. Усугубляет ситуацию в целом очень слабый интерес к истории русской социал-демократии, наблюдаемый в последние два десятилетия. Казалось бы, положение парадоксальное: мало какая организация или движение сыграла столь громадную роль в русской истории, мало какая область знания была столь же фальсифицирована, как история РСДРП; но с падением запретов историки не бросились выяснять долгожданную истину, а предпочли заняться совершенно другими темами. Несколько больше повезло меньшевикам, о большевиках же в послесоветское время было написано прискорбно мало. Недостаточная изученность подлинной истории большевизма делает особенно сложной задачу определить место в нем Джугашвили-Сталина.

С.С. Монтефиоре при работе над книгой «Молодой Сталин»⁵⁹ обратился к неопубликованным архивным источникам, в том числе хранящимся в Грузии. Книга выдержана в жанре беллетризованной биографии, Монтефиоре предложил свою интерпретацию молодого Сталина. Автор рисует Кобу как часть грузинского мира с уважением к силе, жестокими уличными драками, высоким уровнем насилия. Иосиф Джугашвили, воспитанный в духе специфически кавказского культа грубой силы, предстает террористом, бандитом и налетчиком, а его революционная деятельность мало отличается от уголовной. Проблема в том, что этот образ не нов. Он отсылает нас, с одной стороны, к набору романтических шаблонов о свободолюбивых, жестоких и в то же время благородных разбойниках, жителей гор. С другой стороны, возвращает нас к мемуарам грузинских меньшевиков, которым традиционно доверяла западная историография и которые обвиняли Кобу в разбое, властолюбии, связях с уголовными бандитами, экспроприациях. Приложив усилия по изучению архивов, в результате Монтефиоре цитирует лишь те источники, которые подтверждают его концепцию личности Сталина, игнорируя противоречия. Как следствие, он попадает в ловушку этих источников и вместо нового взгляда на своего героя воспроизводит давно потрепанную однобокую версию, разве что повторяет ее более искусно и с большей литературной убедительностью.

Случай Монтефиоре лишний раз показывает необходимость внимательного, критического отношения к источникам и учета их во всей полноте. Таким образом, источниковедческий анализ свидетельств о молодом Иосифе Джугашвили остается более чем актуальным.

⁵⁹ *Montefiore S. Young Stalin. L.: Weidenfeld & Nicolson, 2007. (Рус. изд.: Монтефиоре С.С. Молодой Сталин. М.: Corpus, 2014.)*

Edelman, O.

Stalin, Koba and Soso. Young Stalin in Historical Sources [Text] / O. Edelman; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2016. — 128 p. — (Cultural Studies). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1352-1 (hardcover).

The first half of Joseph Jughashvili-Stalin's life had been lived before the Revolution of 1917. This part of his biography is highly controversial. His political enemies claimed him to have been a secret police agent or a gangster. And his contributions to the revolutionary struggle had been highly exaggerated by the official sycophants.

But it would be wrong to think that the details of Stalin's life before the Revolution are mostly obscure. On the contrary, there are plenty of sources: memoirs of his enemies and brothers-in arms, the party and police documents. The problem, however, is that few of them are reliable and impartial. Stalin's biography had immediately become the field of power games and political warfare. It would be a fascinating task for a researcher to try to find out why and how the sources distort the truth.

The book is addressed to a wide audience of readers interested in history.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ОЛЬГА ЭДЕЛЬМАН
СТАЛИН, КОБА И СОСО
МОЛОДОЙ СТАЛИН
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
НАТАЛЬЯ АРХИПОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЮЛИЯ ПЕТРИНА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 16.11.2015. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 5,4
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 2013. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10